

ОСВОБОЖДЕННАЯ ЖЕНЩИНА ТУРКМЕНИСТАНА: ДВА ПЕРЕВОДА ИЗ ПОЭМЫ Т. ЭСЕНОВОЙ «ЛЕГЕНДА О ЛЕНИНЕ И ДОЧЕРИ ЧАБАНА»

А.О. Бурцева

Научно-издательский центр «Ладомир», Москва, Россия;
alla.burtseva@gmail.com

Аннотация: Обсуждаются особенности перевода на русский язык так называемых «национальных авторов» СССР. Предмет исследования — поэма туркменской поэтессы и драматурга Т. Эсеновой «Легенда о Ленине и дочери чабана» (*Lenin we çorap guzy hakynnda hekajät*), перевод которой на русский язык в конце 1950-х гг. (вскоре после ее издания на туркменском языке) был выполнен разными авторами: Н.Д. Вольпин, Г.Н. Веселковым и В. Ильиной. Судя по сохранившейся машинописи, изначально планировался к изданию совместный перевод Вольпин и Ильиной, однако вышла книга, где главы поэмы, переведенные Ильиной, были даны в версии Веселкова.

Сравнение двух переводов демонстрирует существенные различия, которые могут скорректировать вопрос о том, как осуществлялась переводческая практика в СССР. В переводах Ильиной и Веселкова есть значимые различия, объясняющиеся, видимо, и биографией Веселкова, и его подходом к отражению туркменских реалий. Ильина, вероятно, работала с подстрочником, и при этом ее перевод более далек от оригинала. Есть основания полагать, что Веселков с подстрочником не работал, но мог консультироваться у туркменских специалистов и у самой Эсеновой. Если исходить из этой гипотезы, можно сделать вывод, что по крайней мере в случае Туркменистана подстрочники могли играть вовсе не ведущую роль в процессе переводческой деятельности.

Ключевые слова: туркменская литература; «Легенда о Ленине и дочери чабана»; Т. Эсенова; Г.В. Веселков; подстрочник; перевод; Н.Д. Вольпин; В. Ильина

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-2-15

Для цитирования: Бурцева А.О. Освобожденная женщина Туркменистана: два перевода из поэмы Т. Эсеновой «Легенда о Ленине и дочери чабана» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2023. № 2. С. 205–214.

EMANCIPATED WOMAN OF TURKMENISTAN: TWO TRANSLATIONS FROM TOWŞAN ESENOWA'S THE LEGEND ABOUT LENIN AND ÇHABAN'S DAUGHTER

A.O. Burtseva

Ladomir Publishing House, Moscow, Russia; alla.burtseva@gmail.com

Abstract: The article deals with two translations from the Turkmen narrative poem by poet and playwright Towşan Esenowa *The Legend about Lenin and Chaban's Daughter* (*Lenin we çopan gyzy hakynda hekäyat*). The research aims to recognize significant differences between two translations in order to include them into academic context. The poem was translated by N.D. Volpin, V. Il'ina, and G.N. Veselkov. The latter was a person who lived in Turkmenistan for a long time and could consult with native speakers and Esenowa herself. Veselkov and Il'ina translated the same chapters, but only Veselkov's translation was published in 1959. It is possible that the translation by Il'ina was considered unsatisfactory in Ashgabat where it was sent according to the note on the typescript. The version by Veselkov seems to be more accurate than the version by Il'ina, who probably worked with so-called *podstrochnik* (shorthand). The differences between two translations are significant both in form and in content, and the version by Veselkov contains more accurate reflection of Turkmen reality. The comparison demonstrates that in case of Turkmenistan the problem of translation practices remains unsolved, and the cases when the translator does not use the *podstrochnik* should be considered as a part of the project of 'Soviet national literatures'.

Key words: Turkmen literature; *The Legend about Lenin and Chaban's Daughter*; Towşan Esenowa; G.V. Veselkov; translation; *podstrochnik*

For citation: Burtseva A.O. (2023) Emancipated Woman of Turkmenistan: Two Translations from Towşan Esenowa's *The Legend about Lenin and Çaban's Daughter*. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 2, pp. 205–214.

В последние годы растёт число исследований, посвящённых литературам советских республик Центральной Азии (см., напр.: [Dobrenko 2018; Козицкая 2021]). Литература советского Туркменистана — один из показательных элементов сложной структуры, получившей название «национальные литературы СССР». В современной исследовательской парадигме литературы Центральной Азии рассматриваются как отдельное явление, что обусловлено их особым положением в советской системе (см. прежде всего: [Khalid 2021]), и отдельно здесь стоит вопрос перевода.

С. Витт говорит о практиках подстрочного перевода и его роли в конструировании литератур советской периферии, замечая, что переводы, выполняемые по подстрочникам, часто бывали далеки от оригинала: подстрочник создавал дополнительную инстанцию между оригиналом и переводчиком [Witt 2003: 157–158]. Многое зависело и от квалификации составителя подстрочника, и от представлений о допустимом.

Однако обращение к подстрочнику не всегда приводило к искажениям оригинала. Так, достаточно точны переводы стихов с туркменского, выполненные М. Петровых, хотя некоторые фрагменты оригинала оказались существенно сокращёнными (так произошло со стихотворением Ата Ниязова «На колхозном поле»,

впервые опубликованном на русском в альманахе «Айдинг-Гюнлер» в 1934 г.; оригинал доступен в машинописи, хранящейся в РГАЛИ) [Бурцева 2021]. Если автор оригинального текста обладал определенным статусом, он мог проконтролировать качество перевода. Наконец, некоторые переводчики с туркменского языка на русский сами владели языком оригинала (разумеется, речь не идет о таких фигурах, как А.А. Тарковский, который переводил по подстрочникам с нескольких языков).

Наше исследование посвящено одному характерному эпизоду: переводам на русский язык поэмы Товшан Эсеновой «Легенда о Ленине и дочери чабана».

Советская литературная политика была заинтересована в создании переводов с языков республик на русский — так можно было продемонстрировать развитие словесности советской периферии. Разумеется, существовала литературная традиция, сформировавшаяся до создания СССР (и в ходе национального строительства начала 1930-х гг. она не была отвергнута, хотя и подвергалась соответствующей интерпретации). Однако основной целью стало «создание» новых советских литератур, а значит — и переводов. В нашем случае эта цель сопрягается с еще одной — «раскрепощением женщины»; оно также должно было отразиться в литературе, как в текстах, так и в наборе имен, которым предстояло стать каноническими.

В 1930-е гг. ряд туркменских писателей уже печатались регулярно. Большинство публиковали стихотворения и поэмы, в том числе в альманахах, созданных совместно с русскими (в частности, «Айдинг-Гюнлер», подготовленном к юбилею Туркменской ССР). Среди них были Ата Ниязов, Ходжанепес Чарые, Ораз Тачназаров, Берды Кербабаяев (который писал и прозу). Позже некоторые из них были репрессированы, некоторые — погибли во время войны. Их имена встречаются как в архивных материалах Союза советских писателей, так и в газете «Туркменская искра», выходившей на русском языке, и, разумеется, в туркменских периодических изданиях. Среди них есть и имя Товшан (Тоушан) Эсеновой, ставшей ключевой символической фигурой туркменской литературы в СССР.

Согласно советским источникам, в частности, книге Л. Сидельниковой «Путь советской поэтессы» (1970), Эсенова родилась в 1915 г. и получила образование в Ашхабадском педагогическом институте. Ей было всего 15 лет, когда ее первые стихотворения появились в газете «Советский Туркменистан» (в современной туркменской орфографии — *Sowet Türkmenistany*). Позднее Эсенова работала редактором в журнале «Советская литература» (*Sowet Edebiýaty*). Помимо стихотворений и поэм, она писала и драматические произведения, в основном посвященные жизни туркменских женщин.

Умерла Эсенова в 1988 г. Посвященная ей книга Сидельниковой ценна для нас в первую очередь как текст, передающий образ Эсеновой — лица туркменской литературы, написанной женщинами.

В 1969 г., когда интерес к литературам советской периферии уже заметно угас, в Ашхабаде выходит сборник стихотворений «Дружба живет в сердцах», посвященный Всемирному конгрессу женщин в Хельсинки. Составительницей издания была Акджемал Омарова, одна из самых известных туркменских поэтесс следующего после Эсеновой поколения. Книга содержит несколько переводов из туркменских поэтесс на русский язык, в том числе главу из поэмы Эсеновой «Легенда о Ленине и дочери чабана» (*Lenin we çoran guzy hakynda hekaýat*). За десять лет до этого, в 1959 г., первые пять глав перевела Н.Д. Вольпин. В первом издании поэмы на русском языке фигурирует и другое имя — Георгий Николаевич Веселков. Поэт, переводчик и сотрудник «Туркменской искры» и журнала «Туркменоведение», он был репрессирован, однако выжил в ГУЛАГе и позднее вернулся к переводческой деятельности. Веселков жил в Туркменистане с 1928 г. и был близким другом поэта Ораза Тачназарова [Мурадов 2002], с которым они вместе работали над переводом из туркменского поэта XVIII в. Махтумкули. Вполне вероятно, что Веселков был способен сам перевести главы из поэмы Эсеновой без подстрочника, во всяком случае — обратиться к специалистам (Тачназаров был расстрелян во время Большого террора, однако у Веселкова должны были сохраниться связи). Для издания 1959 г. Веселков перевел последние три главы поэмы.

Вольпин также провела некоторое время в Ашхабаде в эвакуации и, как утверждается на сайте «Поэзия Московского университета» (<http://www.poesis.ru/poeti-poezia/volpin-n/biograph.htm>), выучила туркменский язык (в конце статьи о Вольпин указано, что информация получена от В.Б. Вольпиной¹ — невестки). Пользовалась ли в работе переводчица чьей-то помощью, нам не известно.

Мы, однако, сосредоточимся не на переводе Вольпин, а на главах, с которыми работал Веселков, так как для них существует и другой перевод. В Российском государственном архиве литературы и искусства хранится машинопись, подписанная именем «Вера Ильина». Этот текст не был нигде напечатан. То, что он хранится в фонде Есенина вместе с главами, переведенными Вольпин, заставляет предположить, что Ильина и Вольпин работали вместе. Причина, по которой вместо перевода Ильиной в издание был помещен пере-

¹ Фамилия Н.Д. Вольпин по традиции не склоняется, ее же невестки — склоняется по общим правилам.

вод Веселкова, нам не известна. К сожалению, никакой информации об этой переводчице нам найти не удалось.

Согласно помете на машинописи, копия перевода Ильиной была выслана в Ашхабад 10 декабря (вероятно, не позднее 1957 г., так как книга была подписана в печать 25 декабря 1958 г.). Если с этим переводом ознакомилась сама Эсенова, которая изучала литературное мастерство в Москве и, разумеется, владела русским языком, он мог быть признан неудовлетворительным. Нам ничего не известно о познаниях Веры Ильиной в туркменском языке, однако, если предположить, что она работала с подстрочником и туркменским не владела, Веселкова могли посчитать более квалифицированным переводчиком. Так или иначе, мы имеем дело с двумя переводами из поэмы Эсеновой, которые было бы продуктивно сравнить.

Оригинал поэмы Эсеновой нам недоступен (он отсутствует в библиотеках и архивах за пределами Туркменистана). Однако по имеющимся у нас текстам можно сделать некоторые выводы.

Вероятнее всего, Веселков пытался сделать перевод более верным туркменскому оригиналу, нежели у Ильиной. Кроме того, он мог поставить перед собой задачу сделать текст более ясным и идеологически корректным. Сравнение фрагментов, в которых обнаружены существенные расхождения, позволяют прояснить характер переводческой деятельности Веселкова.

В первой строфе в переводе Ильиной упомянута революция:

Там революция, — шли слухи в степь. —

Она порвала злого рабства цепь!.. [РГАЛИ. Ф. 190. Оп. 4. Ед. хр. 83. Л. 92].

Веселков также упоминает революцию и свободу, но при этом пытается подчеркнуть: «Народ // Волнуется и лучшей доли ждет» [Эсенова 1959: 21]. Таким образом достигается нужный эффект: потребность в освобождении идет от народа Туркменистана, и это, возможно, делает перевод точнее. Следующее различие, однако, более значимо. Ильина упоминает В.И. Ленина:

И, «Ленин» повторяя от души,

Бедняк-чабан к Казанджику спешил... [РГАЛИ. Ф. 190. Оп. 4. Ед. хр. 83. Л. 92].

Веселков переводит этот фрагмент совершенно иначе:

Вниз по Узбою, к огневой дороге,

Спешат гонцы в надежде и тревоге [Эсенова 1959: 21].

Отсутствие упоминания Ленина, по-видимому, не случайно. Как представляется, если бы в оригинале чабан действительно повторял это имя, в переводе оно должно было бы сохраниться в любом случае. Ленин, однако, упомянут в самом названии поэмы, поэтому дополнительное его упоминание факультативно. Веселков упоминает Узбой — высохшее русло древней реки, которое входило в планы по ирригации. Также в сноске отмечено, что огневой в туркменском называют железную дорогу, которую действительно строили в окрестностях Казанджика. Однако русскоязычная аудитория могла быть не знакома с топонимом «Казанджик», тогда как Узбой был одним из символов Туркменистана. Что касается «огневой дороги», ее упоминание заставляет предположить, что аналогичное выражение было в оригинале: Эсенова рассказывает историю обычной туркменской женщины, которая могла сама употреблять именно такое обозначение.

Далее чабан Черкез Нуриев объясняет местным жителям: «Ни богачей, ни белого царя нет» [Эсенова 1959: 21], и эта фраза полностью отсутствует в переводе Ильиной. Вполне вероятно, что в оригинале были слова *baylar* и *ak patyşa* — «баи» и «белый царь» соответственно, типичные для туркменского словоупотребления при описании богатых земле- или скотовладельцев и царской власти. Так или иначе, перевод Веселкова выглядит более стилизованным, речь Черкеза звучит более разговорно, менее патетично и лозунгово, нежели у Ильиной. Ср.:

— Всю власть там в руки взял теперь народ.
Рабочих и крестьян ведет вперед
Великий Ленин. Скоро и для нас
Набрать свой сельсовет наступит час... [РГАЛИ. Ф. 190. Оп. 4.
Ед. хр. 83. Л. 92]. (Ильина)

Ни богачей, ни белого царя нет:
Вся власть теперь — рабочий да крестьянин, —
Такой, как ты да я, пастух, батрак,
А Ленин — всех трудящихся вожак [Эсенова 1959: 21]. (Веселков)

Слова «великий», «ведет вперед», упоминание сельсовета — всё это делает текст идеологически более верным, однако вариант Веселкова с «да», «пастух, батрак», «вожак» обеспечивает простоту и текст становится более релевантен «языку трудящихся», близость к которому активно обсуждалась еще с 1930-х гг.

Таким образом, Веселков пытается сделать перевод более соответствующим исторической ситуации 1920-х и, возможно, более корректным и гармоничным. Другая группа различий значима для содержания поэмы.

Когда весь аул собирается у колодца, чтобы обсудить новую власть, появляется главная героиня поэмы Нурсолтан. Ильина в этом фрагменте описывает значимый символический жест, важный для темы женской эмансипации:

Вот Нурсолан, укутав поплотнее
Лицо и рот... [РГАЛИ. Ф. 190. Оп. 4. Ед. хр. 83. Л. 93].

Веселков, однако, не упоминает платок вовсе:

...Нурсолтан
Идет, высокий не склоняя стан [Эсенова 1959: 22].

Ильина подчеркивает положение туркменской женщины — жертвы патриархального уклада. Веселков же совершенно не описывает Нурсолтан как жертву. Это уже новая советская женщина, уверенная и сильная, и, как представляется, такое описание больше соответствует контексту поэмы. Нурсолтан практически ничего не знает о большевиках и советских идеалах. Однако эти идеалы уже заложены в ее сознании, она интуитивно им следует. Таким образом, перевод Веселкова добавляет в текст характерную оценку: женщине Востока хоть и нужна помощь, но она уже внутренне свободна, эту свободу нужно только пробудить. Отметим также, что в переводе Ильиной упоминание платка выглядит как странность: туркменки-кочевницы не носили платка на лице, и с этим были связаны определенные трудности в советской пропаганде, которая подчеркивала важность отказа от ношения платка [Khalid 2021].

Начало речи Черкеза также существенно различается в двух переводах. Нельзя не учитывать вероятность того, что переводчики выбрали разные фрагменты, однако сам этот выбор значимо отражается на содержании поэмы. В переводе Веселкова Черкез говорит:

Пришел конец всем белякам и ханам,
Всем ворам-интервентам, англичанам...
И в Гоккенаре уж давно пора нам
Избрать Совет!.. [Эсенова 1959: 23]

В переводе Ильиной читаем следующее:

В Советах и в Правительстве страны
Теперь мужчина с женщиной равны.
И люд бедняцкий Гоккенара знает,
Зачем совет свой сельский избирает! [РГАЛИ. Ф. 190. Оп. 4.
Ед. хр. 83. Л. 95].

Таким образом, два разных перевода отражают два разных аспекта советской идеологии. Версия Веселкова сосредоточена на призывах к демократии и порицании колониализма, а версия Ильиной — на демократии и правах женщин. Версия Ильиной больше соответствует теме поэмы, однако нельзя исключать, что переводчики по той или иной причине использовали разные строки поэмы или же у Ильиной оригинал искажен намеренно. Веселков, как представляется, должен был больше заботиться о соответствии перевода оригиналу, в силу его взаимоотношений с туркменскими литературными кругами.

Однако несколько строк из версии Ильиной отсутствуют в переводе Веселкова полностью. Когда бай предлагает, чтобы Нурсолтан отправилась в путешествие в Москву от лица аула, ее отец Хидир плачет и называет бая змеей наследником, клещом и саранчой. В версии Веселкова этот монолог отсутствует, сказано лишь, что Хидир плачет. Тем не менее для содержания поэмы имеет принципиальное значение другой фрагмент, отсутствующий уже в переводе Ильиной. Когда Нурсолтан отбрасывает платок, бай реагирует так:

Но — что случилось? Почему назад
Вдруг отшатнулся он? Какая сила
Дыханье баю вдруг перехватила [Эсенова 1959: 25].

Эти строки подчеркивают суть женской эмансипации: она не только потребность женщины, но и то, чего боятся баи — прямая угроза для старых порядков.

Уже в Москве, в разговоре с Лениным, Нурсолтан упоминает, что ее народу не хватает воды. Заметим: проект ирригации туркменских областей к 1930-м гг. становится одной из основных тем советской литературы о Туркменистане. В этом фрагменте между переводами нет существенных различий, помимо одного, и это различие принципиально. В версии Ильиной Нурсолтан говорит, что у ее народа есть пословица:

Вода — краса земли, а лебедь — вод [РГАЛИ. Ф. 190. Оп. 4. Ед. хр. 83. Л. 104].

В версии Веселкова читаем:

Краса земли — вода. На лоне вод,
Красуясь, лебедь белая плывет [Эсенова 1959: 30].

Последняя строка — очевидная цитата из «Сказки о царе Салтане». Такое переводческое решение могло быть принято по несколь-

ким причинам. Во-первых, Эсенова могла сама попытаться процитировать Пушкина, но составитель подстрочника для Ильиной этого не распознал. Во-вторых, Веселков мог сознательно вставить эту цитату, следуя общей тенденции: обращение к русской классике в литературах советской периферии поощрялось.

Ключевое различие между двумя переводами, касающееся содержания поэмы, связано с появлением Надежды Крупской. По сюжету, пока Нурсолтан говорит с Лениным, Крупская заходит в кабинет и заводит беседу с героиней. В переводе Веселкова сказано, что они полностью понимают друг друга и разговаривают как две сестры. У Ильиной этот разговор не упоминается вовсе, однако он представляется ключевым для сюжета поэмы: он подчеркивает женскую «дружбу», которая и была вынесена в заглавие сборника 1969 г. Можно предположить, что этот эпизод был добавлен самой Эсеновой в текст оригинала позднее, уже после того, как был осуществлен перевод Ильиной (будучи достаточно крупной фигурой, Эсенова могла позволить себе внести изменения в поэму уже после того, как перевод был отправлен в Ашхабад).

Таким образом, в двух переводах выявляются существенные расхождения. Вполне вероятно, что Веселков пытался сделать перевод более точным. Ильина, по-видимому, работала с подстрочником и из-за этого упустила ряд аспектов, которые играют существенную роль для идеологического подтекста в поэме. Можно предположить, что Ильина, работая с подстрочником, перевела поэму непоследовательно. Весьма вероятно, что Ильина и Веселков работали с разными редакциями оригинала. Существенно, что Веселков во время работы находился в Туркменистане и мог непосредственно общаться с Эсеновой, в том числе — обсуждать перевод поэмы. Это возвращает нас к проблеме подстрочника: как представляется, в случае с Туркменистаном его присутствие не было обязательным (однако это требует дополнительного изучения).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурцева А.О. Стратегии перевода туркменской поэзии из советских альманахов 1930-х гг. на русский язык: предварительные наблюдения // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16. № 3–4. С. 125–148.
2. Козицкая Ю.М. Казахская литература как часть проекта «многонациональной советской литературы» в 1930-е годы. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2022.
3. Мурадов Р.Г. Парадигма «Туркменоведения» // Культурные ценности: Международный ежегодник: 2000–2001. СПб., 2002. С. 164–178.
4. Сидельникова Л.М. Путь советской поэтессы. Ашхабад, 1970.
5. Эсенова Т. Легенда о Ленине и дочери чабана. Ашхабад, 1959.
6. Dobrenko E. Soviet Multinational Literature: Approaches, Problems, and Perspectives of Study // The Literary Field under Communist Rule. Brighton, Mass., 2018. P. 3–17.

7. Khalid A. *Central Asia. A New History from the Imperial Conquests to the Present*. Princeton, 2021.
8. Witt S. The Shorthand of Empire: Podstrochnik Practices and the Making of Soviet Literatures // *Ad Imperio*. 2013. No. 3. P. 155–190.

REFERENCES

1. Burtseva A.O., Strategii perevoda turkmenskoi poezii iz sovetских al'manakhov 1930-kh gg. na russkii yazyk: predvaritel'nye nablyudeniya [Strategies of Translation of Turkmen Poetry from the Almanacs of the 1930s: Preliminary Observation]. *Slavyanskii mir v tret'em tysyacheletii*. 2021, Vol. 16, No. 3–4, pp. 125–148. (In Russ.)
2. Kozitskaya Yu.M. *Kazakhskaya literatura kak chast' proekta «mnogonatsional'noi sovetskoi literatury» v 1930-e gody* [Kazakh Literature as a Part of the “Multinational Soviet Literature Project”]. PhD. Diss, Moscow, 2022. (In Russ.)
3. Muradov R.G. Paradigma «Turkmenovedeniya» [The Paradigm of “Turkmen Studies”]. *Kul'turnye tsennosti: Mezhdunarodnyi ezhegodnik: 2000–2001*. Saint Petersburg, *Filologicheskii fakul'tet SPbGY Publ.*, 2002, pp. 164–178. (In Russ.)
4. Sidel'nikova L.M. *Put' sovetskoi poetess* [The Path of Soviet Poetess]. Ashkhabad, *Ylym Publ.*, 1970. 135 p. (In Russ.)
5. Esenova T. *Legenda o Lenine i docheri chabana* [The Legend about Lenin and Chaban's Daughter]. Ashkhabad, *Turkmengosizdat Publ.*, 1959. 35 p. (In Russ.)
6. Dobrenko E. Soviet Multinational Literature: Approaches, Problems, and Perspectives of Study. *The Literary Field under Communist Rule*. Ed. Aušra Jurgutienė and Dalia Satkauskytė. Brighton, Mass., *Academic Studies Press*, 2018, pp. 3–17.
7. Khalid A. *Central Asia. A New History from the Imperial Conquests to the Present*. Princeton, *Princeton University Press*, 2021. 576 p.
8. Witt S. The Shorthand of Empire: Podstrochnik Practices and the Making of Soviet Literatures. *Ab Imperio*, 2013, No. 3. pp. 155–190.

Поступила в редакцию 01.05.2022

Принята к публикации 20.12.2022

Отредактирована 05.02.2023

Received 01.05.2022

Accepted 20.12.2022

Revised 05.02.2023

ОБ АВТОРЕ

Алла Олеговна Бурцева — редактор Научно-издательского центра «Ладомир»;
 alla.burtseva@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Alla Burtseva — editor at the Publishing House Ladomir; alla.burtseva@gmail.com